

В УСАДЬБЕ ЩЕЛЫКОВО

І. МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ОСТРОВСКОГО ЩЕЛЫКОВО

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПОВЕДНИКА)

Сообщение Е. М. Хмелевской

Имение Островского Щелыково расположено на юге Костромской области, в 15 километрах от Кинешмы¹. Писатель приезжал в Щелыково почти ежегодно с 1848 г., там он и умер 2 (14) июня 1886 г. и похоронен на ближайшем кладбище.

Щелыково было объявлено Государственным музеем-заповедником А. Н. Островского четверть века тому назад, 11 мая 1948 г., когда отмечалось 125-летие со дня рождения драматурга. Однако подготовка к этому решению началась буквально сразу после революции.

В рукописном отделе Музея хранится черновик «Справки о состоянии усадьбы Щелыково и предложения о мероприятиях по ее сохранению», составленной Михаилом Андреевичем Шателеном (1865—1957), который был женат на дочери Островского, Марии Александровне.

«В усадьбе «Щелыково», — говорится в «Справке», — Иваново-Вознесенской губ., Кинешемского уезда <...> находится два дома со службами.

Один дом — старый, в котором жил и работал Александр Николаевич, другой — новый, перестроенный из небольшого домика, построенного Александром Николаевичем для приезжавших к нему из Москвы писателей и деятелей сцены. Кроме того, школа для 100 детей.

В домах находится библиотека, содержащая много журналов русских, часто с первых месяцев их выхода в свет, некоторое количество мебели покойного писателя, собрание фотографических портретов деятелей сцены и т. п.

В настоящее время, по имеющимся сведениям, предполагено местными властями мебель распродать и библиотеку распределить между культурно-просветительными учреждениями. Часть книг уже вывезена. Если бы было признано желательным, сохранение усадьбы как культурного центра было бы возможно:

1. В старом доме устроить музей-библиотеку в память А. Н. Островского, сосредоточив в ней все, что имеется в усадьбе из книг и вещей, имеющих значение, а также все, что можно получить от наследников в Петрограде (рукописи, портреты современников, альбомы и пр.).

2. В новом доме устроить воздушную санаторию для деятелей сцены, писателей и т. д., совместно с Комиссариатом социальной помощи.

В связи с этим развить деятельность Щелыковской школы в смысле удовлетворения культурно-просветительных нужд населения.

К сотрудничеству может быть привлечено имеющееся в Кинешме Общество им. А. Н. Островского, уже обзаведшееся своим театром, библиотекой им. А. Н. Островского и другими учреждениями.

Для сохранения библиотеки и прочего инвентаря, имеющего значение для музея и санатории, следует немедленно послать в Кинешемский уездный Совдеп телеграмму с просьбой приостановить совершенно вывоз книг и продажу мебели и пр. в усадьбах б. Шателен и Островских (с. Щелыково Ивашевской волости) и с уведомлениями, что предполагается использовать усадьбу для культурных целей, для выяснения которых,

совместно с местными культурно-просветительными организациями, будет прислано особое лицо»².

Судя по содержанию, этот документ можно датировать 1918—1919 гг. Упомянутый в нем «новый дом», выстроенный еще при жизни писателя, в 1902 г. был перепланирован и перенесен на другое место, на расстояние около километра от «старого дома». В настоящее время «новый дом» является одним из корпусов дома творчества ВТО.

Куда М. А. Шателен адресовал подлинник своей «Справки», кому его передал и было ли по этому поводу вынесено какое-либо решение, — пока остается неизвестным. Во всяком случае это первый известный нам документ, где говорится о необходимости сохранения усадьбы Щелыково как памятника Островскому.

Следующим по времени документом уже о подготовке открытия в Щелыкове Музея Островского является письмо последнего управляющего имением Н. Н. Любимова к сыну писателя, Сергею Александровичу, написанное в день 100-летия со дня рождения Островского, 13 апреля 1923 г. Письмо полно любви и уважения к памяти «всемерночтимого Александра Николаевича»³ и горечи от того, что юбилей Островского не был отмечен в Щелыкове. Из этого письма мы узнаем, что восстановительные работы в усадьбе в это время уже начались. Правда, в своем письме Любимов жаловался на качество и медлительность работ («Восстановители работают весьма несправедливо и к своим обязанностям относятся весьма халатно»), однако интересно отметить, что ремонт дома начался еще до передачи его в ведение Наркомпроса, состоявшейся 5 сентября 1923 г.

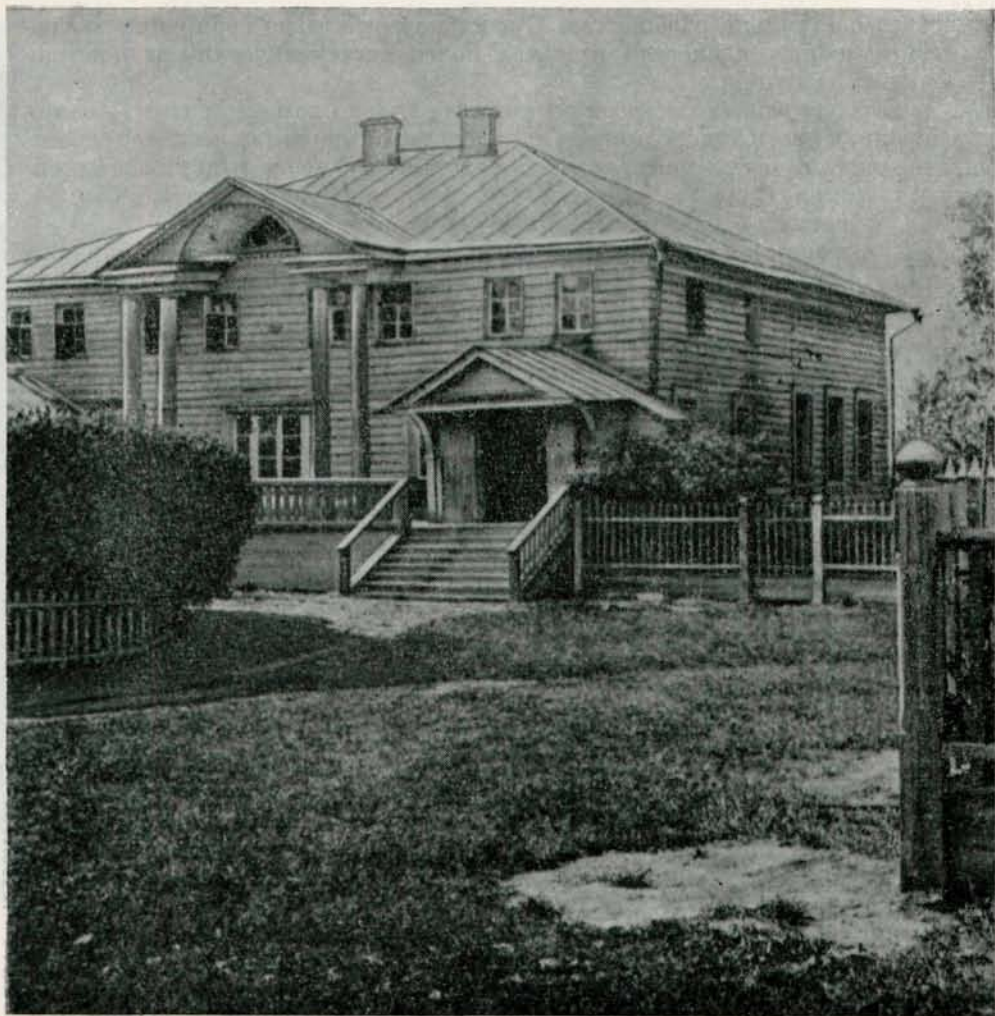
25 января 1924 г. Иваново-Вознесенский губисполком принял решение для сохранения библиотеки Островского вывезти ее из Щелыкова и передать в губархивбюро⁴.

В феврале того же года это решение было выполнено, и уцелевшую часть библиотеки из Щелыкова вывезли в Иваново. Но дальнейшая судьба книг осталась неизвестной. Куда была отправлена библиотека позднее и кому передана — не выяснено и по настоящее время.

7 мая 1924 г. на заседании художественного отдела Главнауки одним из пунктов стоял вопрос «Об усадьбе Щелыково б. А. Н. Островского», а на заседании коллегии Главнауки 23 сентября того же года был организован Комитет содействия восстановлению усадьбы Щелыково под председательством тогдашнего директора Малого театра А. И. Южина⁵.

В 1928 г. Совнарком принял решение передать Щелыково из ведения Наркомпроса Малому театру. 4 мая того же года было вынесено постановление об организации в двух комнатах усадьбы (кабинете и гостиной) мемориального музея, который и был открыт 14 июня 1936 г. в день 50-летия со дня смерти писателя⁶. Дирекция Малого театра понимала необходимость превратить в музей весь дом Островского, но недостаток средств тормозил выполнение этого плана⁷.

Музей во всем доме был основан только после Великой Отечественной войны. Первым его директором был сын деревенского друга Островского, Ивана Викторовича Соболева, — Иван Иванович Соболев (1872—1949). Он оставил несколько листков воспоминаний об усадьбе: «В доме было расположение комнат так. Кабинет Александра Николаевича, 2-я — гостиная, 3-я — спальня, 4-я — столовая, 5-я, комната с северной стороны, — кабинет брата его, Михаила Николаевича, 6-я — передняя, 7-я — прихожая. Второй этаж — восемь комнат, где находились его дети и гувернер (светлых комнат с окнами на 2-м этаже — 6 и 2 — темные, проходные. — Е. Х.). Рядом с домом находились кухня и квартира для управляющего, дальше располагались придворные постройки для рабочих людей, вблизи усадьбы стоял скотный двор и двухэтажный амбар для

ДОМ ОСТРОВСКОГО В ЩЕЛЫКОВЕ. СЕВЕРНЫЙ ФАСАД

Фотография А. М. Кондратьева, 1889

С дарственной надписью Н. И. Музилью на отдельном листке: «Дорогому Николаю Игнатьевичу Музилью на память поездки в Щельково от А. Кондратьева. 1889 г. июня 2-го»

Дом-музей А. Н. Островского, Щельково

уборки зерна. Усадьба была обнесена кругом палисадом, а также и парком сосновым. В нем была двухэтажная беседка, в которой нередко бывал Островский и писал свои произведения, а в парке были приличные дорожки и через овражки построены мосточки. По левую сторону парка находился пруд. Ниже пруда, на реке Куекше расположены были плотина и мельница. В пруде было очень много различной рыбы <...>.

Неоценимый был человек, как великий русский писатель и драматург, Александр Николаевич Островский. В честь его памяти я работаю зав. Музеем имени Островского в Щелькове и с любовью отношусь к делу, вспоминая свое детство, как ходил каждый день к Александру Николаевичу на уроки...» Дата этой записи — 20 сентября 1945 г.⁸

Как уже было указано, в 1948 г. Щельково стало Государственным музеем-заповедником Островского, а в 1953 г. перешло в ведение Всерос-

сийского театрального общества. С этих пор работа по собиранию и хранению музейных ценностей приняла более систематический и последовательный характер.

Из всех усадебных построек сохранился только дом. Дом этот — самая драгоценная часть заповедника. Он деревянный, двухэтажный, под железной крышей, с двумя крыльцами на северной стороне и двумя балконными дверями. Одна, с северной стороны, ведет на открытый балкон, другая, с южной, — на большую крытую террасу.

По воспоминаниям старожилов, в начале XX в. дом был окрашен красновато-бурой краской. По свидетельству же современников Островского, он был серого цвета. Вот что писала дочь друга писателя Бурдина — Татьяна Федоровна Склифосовская (1867—1944?): «Вы въезжаете в Щелыково (...). Спустились с горки вниз, переехали мост через неширокую, но довольно глубокую речку Куекшу (...) поднялись в гору, повернули влево, и вот перед вами скромный серенький дом с садом, спускающимся к реке, — это и есть Щелыково». Более подробное описание внешнего вида дома читаем в воспоминаниях артиста К. В. Загорского: «Господский дом, в котором жил Александр Николаевич, находится на горе. Он деревянный, окрашен серой краской, с четырьмя колоннами, двумя крыльцами и с лицевой стороны задний фасад обращен в сад, с террасой, перед которой разбит цветник»⁹. В это описание следует внести поправку: колонн в доме — восемь, по четыре на северной и южной сторонах. Что же касается цвета дома, то воспоминания Загорского сходятся со свидетельством Склифосовской, и в настоящее время дом окрашен в серовато-голубой цвет.

Следует указать, что в фондах Музея хранится небольшой обрывок рисунка дома, выполненный карандашом и датированный 11 июня 1869 г.¹⁰ Дом на этом рисунке окрашен розовато-кирпичным цветом. Этот рисунок является проектом новых фигурных столбиков балюстрады балкона, и архитектора в это время мог не интересоваться цвет дома. Но, возможно, что мы имеем обрывок проекта не только балюстрады, но и новой окраски здания. С 1868 г. — фактически, а с 1873 г. — официально Островский и его брат Михаил Николаевич сделали владельцами имения, выкупив его у своей мачехи Эмилии Андреевны Островской. В эти годы они и могли задумать перекраску дома. Однако время выполнения этого плана, т. е. перекраски дома из серого цвета в кирпичный, — до сих пор установить не удалось.

Другим ценным памятником заповедника является парк.

На другой день после приезда в усадьбу, 2 мая 1848 г., Островский записал в дневник свое впечатление от Щелыкова: «С первого разу оно мне не понравилось, исключая дому, который удивительно хорош как снаружи оригинальностью архитектуры, так и внутри удобством помещения (...). Нынче поутру ходили осматривать места для дичи. Места удивительные. Дичи пропасть. Щелыково мне вчера не показалось, вероятно, потому, что я построил себе прежде в воображении свое Щелыково. Сегодня я рассмотрел его, и настоящее Щелыково настолько лучше воображаемого, насколько природа лучше мечты. Дом стоит на высокой горе, которая справа и слева изрыта такими восхитительными оврагами, покрытыми кудрявыми сосенками и липами, что никак не выдумаешь ничего подобного». Через несколько дней, 10 мая, Островский сделал подобную же запись: «Что за реки, что за горы, что за леса. У нас все реки текут в оврагах — так высоко это место. Наш дом стоит на высокой горе, побольше нашей Воробинской, а есть места, например, деревня наша Сергеево, откуда наш дом кажется в яме, а эта деревня в четырех верстах от нас на север. На юг от нас есть, верстах в пяти, деревня Высоково, из той виден почти весь Кинешемский уезд. Под этой деревней течет Мера, —

«ГРОЗА. ЛЮДИ РАЗНОГО ЗВАНИЯ»

Акварель Б. М. Кустодиева, 1920 г.

Дом-музей А. Н. Островского, Щелыково

что это за удивительная река. Если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга, он бы давно превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии...» (XIII, 186—188).

Природа Щелыкова и его окрестностей и теперь прекрасна. Но некогда многоводная и богатая рыбой речка Куекша, протекающая вблизи дома, сильно обмелела, и рыболовство, которым так увлекался Островский, в этих местах уже невозможно.

Многочисленные овраги, поросшие лесом, и сейчас придают местности чрезвычайно живописный вид.

С южной стороны от дома к реке спускается широкая каменная лестница. Но река из дома уже не видна, заслоненная разросшимися деревьями. Не видна и колокольня ближайшей от Щелыкова церкви на погосте Николо-Бережки, где похоронены члены семьи Островских.

Из парковых построек интересны многочисленные мостики через овраги и двухэтажная беседка подобные тем, которые украшали парк и при Островском. Время от времени их приходится подновлять.

И сейчас красива река Мера, принимающая в свое течение воды речек Сендеги и впадающей в нее Куекши. Сама же Мера — это приток Волги, до которой от Щелыкова около 15 км. Вид из деревни Высоково и теперь

так же широк и величествен, как пишет Островский. Многие окружающие усадьбу места сегодня носят названия, связанные с творчеством писателя и в первую очередь с его пьесой-сказкой «Снегурочка»: «Зачарованный лес», «Ярилина долина», «Голубой ключик», или «Сердце Снегурочки», и др.

Примерно в двух километрах от дома — кладбище с уцелевшей двухэтажной церковью из розового кирпича. Она построена в XVIII в., так же как и дом. Расположенный на берегу крутого оврага, этот погост носит название Бережки, а по имени святого, в честь которого основана церковь, называется Николо-Бережки. Во многих книгах и статьях, посвященных Островскому, место это ошибочно названо селом. В действительности возле церкви и кладбища стоит всего несколько домиков, построенных для церковных служителей и сторожей. Один из домов принадлежал Ивану Викторовичу Соболеву, столяру и резчику «по иконостасной части»¹¹. Сейчас в некоторых из этих домов живут рабочие и служащие Заповедника, дом Соболева восстановлен, и в нем развернута музейная экспозиция.

Рядом с церковью окруженные оградой находятся могилы А. Н. Островского, его отца, Николая Федоровича, жены писателя, Марии Васильевны, и дочери, Марии Александровны Шателен.

В Музее хранятся живописные и фотографические изображения Щелыкова и его окрестностей. Картина, выполненная масляными красками, — «Мост через Меру около Высокова» (1901—1903 гг.) работы Б. М. Кустодиева, несколько акварелей конца 1890—начала 1900 гг. художника Садкевича, акварели 1930-х годов художника П. П. Пашкова, среди которых есть изображение строений, ныне уже не существующих, и А. П. Андреанова — «Дом А. Н. Островского в Щелыкове», серия этюдов маслом художника В. С. Максимова, выполненных в 1936 г. (12 картин) и в 1962 г. (20 картин), «Могила А. Н. Островского в Бережках» (масло, 1957 г.) художницы О. Р. Абрамовой, «Дом-музей А. Н. Островского в Щелыкове» (этюд, уголь, 1962 г.) художника А. И. Благонравова и др.

Самое раннее фотографическое изображение дома Островского относится к 1889 г. — работы артиста и режиссера Малого театра А. М. Кондратьева. Эта фотография не раз воспроизводилась в различных изданиях, но в Музее, кроме нее, хранится также записка Кондратьева, адресованная артисту Н. И. Музилю: «Дорогому Николаю Игнатьевичу Музилу на память поездки в Щелыково от А. Кондратьева. 1889 г. Июня 2-го»¹². Оба они ездили в Щелыково на третью годовщину смерти писателя, когда Кондратьев и сделал свой снимок дома. Ряд фотографий от конца 1890-х до 1930-х годов изображают некоторые, уже несохранившиеся строения, эскижи, служившие Островскому, отдельные виды местности и т. д. К сожалению, многие из этих старинных фотографий потускнели и выцвели. Хранятся в Музее и современные фотографии Щелыкова.

Одной из первых задач устроителей Музея было воссоздание внутренней отделки и меблировки комнат дома Островского. Следовало по возможности приблизить их к тому виду, какой они имели при жизни писателя.

Сохранилась копия «Описи имущества и находящегося в нем живого и мертвого инвентаря», составленная 18 января 1918 г. членами Ивашевского волостного земельного комитета в присутствии последнего управляющего имением — Н. Н. Любимова.

Из этой описи явствует, что в имении было 14 построек (из них до настоящего времени, как указано выше, сохранился только один «старый»

А. А. ЯБЛОЧКИНА

Фотография К. А. Фишера, Москва, 1902 г.

С дарственной надписью Е. М. Сушковой: «Хорошему человеку, милой, сердечной Елизавете Михайловне Сушковой на память от любящей ее А. Яблочкиной. 31-го декабря 1902 г.»

Дом-музей А. Н. Островского, Щелыково

дом. Некоторые строения, в том числе второй, так называемый «новый» дом, перенесены на другие места и перестроены, остальные — разрушились). Далее следует перечисление скота и вещей, от мебели до мелких предметов домашнего обихода, посуды, белья и пр., а также дан список вещей, реквизируемых волостным советом¹³.

Но в этой описи не указано расположения мебели по комнатам. Не пишут об этом и мемуаристы.

К началу организации Музея в доме, по-видимому, еще оставалась кое-какая мебель. Любимова не раз приглашали для консультаций, и он охотно и подробно рассказывал все, что знал о домашней жизни Островских. В упомянутом письме к С. А. Островскому 13 апреля 1923 г. Любимов писал: «Я был вызван в среду на масленицу для показания более подробных сведений по обстановке дома и зарисовке всех комнат художником. Много было показано: все, что только могло зависеть от меня, я указал многое из вещей, принадлежащих вам, и которые должны быть поставлены на свои места по моему указанию. Но, придя в день памяти Александра Николаевича, в пятницу 13/IV, я увидел полное бездействие тех лиц, которые были присланы из города...»

Никаких зарисовок плана комнат и записей пояснений Любимова пока отыскать не удалось.

Назначение комнат и планировка мебели в них воспроизведены в Музее по указаниям лиц, еще помнивших усадьбу во времена жизни Марии Васильевны Островской и ее дочери, Марии Александровны Островской-Шателен, большую услугу в этом оказала внучка драматурга, Мария Михайловна Шателен, записавшая со слов матери и бабушки подробности обстановки Щельковского дома¹⁴.

Однако трудностей было и остается очень много. Подлинных вещей писателя, сохранившихся в доме и перевезенных из московской квартиры Островского, далеко не достаточно для заполнения всех комнат дома.

К мемориальным вещам, принадлежавшим Островским, родителям писателя, позднее ему и его семье, относятся: письменный стол, раздвижной обеденный стол, ломберный стол, керосиновая лампа-молния, медный самовар, фортепьяно, настенное зеркало в резной раме, круглый стол, деревянная пепельница-песочница, бельевой шкаф, стол овальный, кровать, туалетный стол, умывальник с мраморной доской, кресло, ныне стоящее у письменного стола, подставка для скульптуры, стул из гарнитура, некогда сделанного И. В. Соболевым, и другие. Хранятся в Музее также некоторые мемориальные вещи родственников Островского: его жены, сына, Сергея Александровича, тетки, Татьяны Федоровны Гиляровой (сестры отца писателя).

Но всего этого было мало для воссоздания обстановки жилого дома 2-й половины XIX в. Поэтому наряду с мемориальными вещами, подлинность которых засвидетельствована потомками Островского, Музей собрал и продолжает собирать типовые предметы домашнего обихода того времени: мебель, посуду, столовое белье, хозяйственную утварь и т. д.

Невозможно в кратком очерке дать описание или даже простое перечисление наиболее интересных экспонатов, хранящихся в Музее. Невозможно хотя бы только потому, что каждое музейное собрание находится в постоянном движении, каждый день может принести новые, более интересные и важные, чем были до сих пор, находки или новые атрибуции уже имеющихся материалов. Мы познакомим читателей только с частью находящихся в Музее фондов. В первую очередь это будет фонд самого Островского.

В Музее имеются и частично экспонируются вещи, сделанные руками драматурга. Это рамки для фотографий, настенная коробочка для бумаг, нож для разрезания книжных страниц. Островский любил работать по дереву. В ГЦТМ находится верстак, принадлежащий писателю, на котором он работал. В музее Щелыково хранится копия этого верстака. Из других личных вещей Островского назовем: походный секретер в виде шкатулки-ларца, серебряный портсигар, деревянную табакерку, портфель, подставку для спичек, серебряный венок, поднесенный ему ко дню рождения в 1863 г.

Сохранились также некоторые фотографии, висевшие в комнатах еще при жизни писателя. Это фотографии с картин В. Г. Перова «Птицелов» и «Сын дьячка, получивший первый чин», а также фотографии с гравюры Джеймса Фида «Шекспир и его современники». На пастарту первой из них — дарственная надпись: «Сердечно уважаемому Александру Николаевичу Островскому от В. Перова. 1870»¹⁵.

Из иконографических материалов Островского в Музее находятся три портрета писателя, выполненные на холсте масляными красками, — работы А. П. Ленского (1884), копия с работы художника В. Г. Перова, сделанная М. А. Островской-Шателен в 1907 г., и неизвестного художника. Хранится пять гравюр и пять литографий с изображениями Островского; бронзовые бюсты писателя неизвестного мастера, с фотографии 1884 г., и скульптура В. А. Кафки (1886); три небольшие гипсовые скульптуры работы Н. А. Андреева — эскизы его памятника Островскому. (Как известно, Андреев — автор памятника, поставленного в 1929 г. в Москве, у здания Малого театра.) В Музее имеется двенадцать подлинных фотографий драматурга. Из них самая ранняя относится к 1861 или 1863 гг. Это сцена из комедии «Свои люди — сочтемся!», в которой автор играл роль Подхалюзина. Две следующие по времени фотографии датированы: 1862 г. («светопись быв. Левицкого») и 1860-ми годами (фотограф неизвестен). Далее идет группа — «Первый комитет Общества драматических писателей и оперных композиторов» с Островским в центре (1874). Четыре фотографии писателя работы И. Г. Дьяговченко датированы 1879 г. Одна фотография работы Г. В. Трунова имеет дарственную надпись: «Ивану Васильевичу Промптову. А. Островский»¹⁶. Рукой, вероятно, Промптова указано, что фотография подарена ему в 1883 г. (до настоящего времени она всюду датировалась 1884 г.¹⁷). И, наконец, в Музее имеются две одинаковые фотографии писателя работы М. М. Панова (1884).

В Музее собрано также значительное количество фотокопий и репродукций с подлинников, хранящихся в других собраниях.

Из личных документов Островского в Музее находятся четыре.

Первый по времени — это его записка в дирекцию Малого театра 1 мая 1864 г., в которой писатель отказывается от причитающейся ему части гонорара за спектакль «Тяжелые дни» в пользу бенефициантов «гг. Ермолова и Витнебена». Николай Алексеевич Ермолов и Николай Петрович Витнебен были суфлерами Малого театра. Речь идет о спектакле, сыгранном 4 мая 1864 г.

Второй — расписка Островского под заявлением в правление Московского городского кредитного общества с просьбой о выдаче ссуды в 4 000 рублей облигациями. В расписке указано, что Островский подписывает документ «За себя и по доверенности брата» (Михаила Николаевича). Заявление относится к 1870-м годам, точная дата не указана.

Третий документ — телеграмма Островского из Петербурга в Москву 12 декабря 1885 г., адресованная жене. Здесь говорится о назначении Островского заведующим репертуарной частью московских императорских театров, а Майкова — управляющим¹⁸. Это было последним радостным событием в жизни писателя.

В. В. Федорову на память от М. А. Вербова

«в 15-20 минут по
предложению автора!»
Этот — Давыдов в роли Карку-
нова в пьесе А. Н. Островского «Сердце
не камень» 3 действ.

В. Н. ДАВИДОВ В РОЛИ КАРКУНОВА («СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ»)

Рисунок (чернила, перо) М. А. Вербова, 1923 г.

С дарственной надписью Вербова В. В. Федорову и автографом Давыдова: «в 15—20 минут и поразительно схвачено! Это я — Давыдов в роли Каркунова в пьесе А. Н. Островского «Сердце не камень» 3 действ.»

Дом-музей А. Н. Островского, Щельково

Четвертый документ — письмо Островского к Ивану Васильевичу Промптову — кинешемскому почтмейстеру, 11 апреля 1886 г., в котором писатель благодарит адресата за быстрое исполнение своей просьбы. В Петербурге для производства Островского в чин статского советника, необходимый для его новой должности в дирекции Московских императорских театров, понадобилось свидетельство об его службе в Кинешме, в качестве почетного мирового судьи. При помощи Промптова свидетельство это было послано очень быстро. «В этой быстроте есть что-то сказочное: так делается только по щучьему велению», — писал Островский¹⁹. Действительно, в понедельник в Москве он получил из Петер-

В. Н. ДАВЫДОВ В РОЛИ КОРШУНОВА («БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК»)

Рисунок (цветные карандаши) М. А. Вербова, 11 мая 1924 г.

С автографом Вербова и надписью Давыдова В. В. Федорову: «Малый театр. Бенефисный спектакль «Бедность не порок». В. Н. Давыдов — Коршунов.

Дорогой мой друг, Василий Васильевич, с грустью подписываю этот портрет и только для вас, потому что портрет хорош бесспорно, но исполнение роли Коршунова мною... гм... неважно, чтобы не сказать больше... В. Давыдов — (не мое это дело)

Дом-музей А. Н. Островского, Щельково

бурга уведомление о необходимости представить свидетельство, а в четверг это свидетельство уже было в Петербурге. Однако производство не успело состояться из-за смерти писателя.

Из других архивных материалов, касающихся Островского, назовем некоторые: расписку А. А. Майкова в получении от писателя «денег за право участия в Обществе драматических писателей», 12 декабря 1870 г.; адрес, преподнесенный ему в 1872 г. Петербургским собранием художников в честь 25-летия его творческой деятельности, подписанный М. А. Шиш-

ковым, И. Ф. Горбуновым, М. О. Микешиним и др.; «Вводный лист на право владения имением Щелыково, выданный А. Н. и М. Н. Островским 8 октября 1873 г. мировым судьей 3-го участка Кинешемского судебного округа».

В Музее собрана и продолжает пополняться коллекция материалов, относящихся к постановкам пьес Островского. Это — афиши, программы, буклеты, режиссерские экземпляры, эскизы художников, живописные портреты и фотографии артистов, исполнявших роли из произведений Островского, памятные вещи некоторых из них.

Здесь хранятся эскизы декораций и костюмов, выполненные различными художниками к постановкам около сотни спектаклей из пьес Островского и опер на сюжеты его произведений.

Самой ранней из этих работ является акварель В. М. Васнецова — эскизы костюмов для постановки «Снегурочки» в Московской частной опере С. И. Мамонтова в 1885 г. Далее укажем работы художников: Н. П. Акимов («На всякого мудреца довольно простоты»); Д. Афанасьев («На всякого мудреца довольно простоты»); И. С. Белицкого («Свои люди — сочтемся!»); Григория Белоуско («Василиса Мелентьева»); А. Ф. Босулаева («Бесприданница») — опера Д. Г. Френкеля, «Гроза», «На бойком месте», «На всякого мудреца довольно простоты», «Пучина», «Снегурочка»); А. П. Васильева («Свои люди — сочтемся!»); Б. И. Волкова («На всякого мудреца довольно простоты», «Невольницы», «Последняя жертва», «Правда хорошо, а счастье — лучше»); М. А. Григорьева («Бесприданница», «Волки и овцы», «Не все коту масленица»); В. В. Дмитриева («Бесприданница», «Горячее сердце»); В. Иванова («На всякого мудреца довольно простоты»); С. Иванова («Не было ни гроша, да вдруг алтын»); Д. Н. Кардовского («Свои люди — сочтемся!»); А. И. Константиновского («Волки и овцы», «Гроза»); К. А. Коровина («Снегурочка»); Н. П. Крымова («Бесприданница», «Не было ни гроша, да вдруг алтын»); Ф. М. Кузнецова («Горячее сердце»); Б. М. Кустодиева («Гроза», «Не было ни гроша, да вдруг алтын»); В. Я. Левенталья («Снегурочка»); В. Н. Мешкова («Сердце не камень», «Воспитанница»); Г. Н. Мосеева («Гроза»); В. П. Москаленко («Бесприданница»); Н. П. Охлопкова («Снегурочка»); Ю. И. Пименова («Бесприданница»); югославского художника Данилы Решетара («Бесприданница», «Волки и овцы»); А. В. Рыкова («Гроза», «Женитьба Балзаминова», «Сердце не камень», «Шутники»); В. Ф. Рындина («Без вины виноватые», «Бедная невеста», «Не было ни гроша, да вдруг алтын», «Снегурочка»); И. В. Севастьянова («Без вины виноватые»); М. Соколова («Снегурочка»); В. А. Стенберга («Гроза»); Э. Г. Стенберга («Бешеные деньги»); В. Л. Талалая («Без вины виноватые», «Поздняя любовь», «Снегурочка»); И. С. Федотова («Волки и овцы», «Женитьба Балзаминова», «На всякого мудреца довольно простоты»); К. Ф. Юона («Доходное место», «Сердце не камень») и другие.

В фотографиях представлено около двухсот спектаклей, сыгранных не только в России, но и за рубежом: в театрах Венгрии, Болгарии, Германии, Чехословакии, Голландии, Швеции, Польши, Румынии, Австрии, Франции, Японии, Китая, Норвегии, Дании, Канады (перечисляем в хронологии постановок).

Собрана также коллекция фотографий артистов в ролях из пьес Островского и в жизни. Многие фотографии имеют автографы. Например: Н. А. Белевцевой, В. Ф. Комиссаржевской, Н. Ф. Костромского, Е. К. Лешковской, В. О. Массалитиновой, Н. М. Медведевой, А. Б. Никритиной, П. М. Садовского, З. В. Свиарской, П. А. Стрепетовой, А. Я. Таирова, Г. Н. Федотовой, Ф. И. Шаляпина, К. Ф. Юона, А. А. Яблочкиной, Н. К. Яковлева.

Из памятных вещей некоторых артистов укажем кресло А. П. Ленского, альбом для фотографий Г. Н. Федотовой, трость, табакерку и очки Н. Н. Рыбникова.

Из костюмов к пьесам Островского назовем костюм Василисы Мелентьевой, принадлежавший А. А. Яблочкиной, Катерины из «Грозы» — Е. Н. Козыревой, Кукушкиной из «Доходного места» и Улиты из «Леса» — Е. П. Корчагиной-Александровской, Кисельникова из «Пучины» — А. Ф. Борисову.

В фондах Музея хранятся также документы, письма, дневники и воспоминания М. С. Щепкина, А. П. Ленского, М. П. Садовского, В. А. Макшеева, В. Н. Давыдова, А. А. Яблочкиной, В. О. Массалитиновой, П. М. Садовского, В. Н. Рыжовой, В. Н. Пашенной, Е. Д. Турчаниновой и других мастеров сцены.

Остановимся на некоторых документах, характеризующих отношения того или иного артиста к Островскому.

Листок воспоминаний о знакомстве с драматургом передала в Музей А. А. Яблочкина. «В 74-летней моей театральной жизни я сыграла в репертуаре Островского 23 роли. Я безмерно счастлива, что могла быть полезна знакомству своего народа и своей отчизны с великим, гениальным драматургом», — писала актриса в 1960 г.²⁰

Несколько эпизодов, связанных с Островским, поместил в свою тетрадь М. П. Садовский. Тетрадь эта, озаглавленная «Отрывочные, не связанные между собой воспоминания актера Мих. Пр. Садовского», содержит различные забавные случаи из театральной жизни, анекдоты, курьезные происшествия²¹.

Его сыну, Прову Михайловичу Садовскому, было 12 лет, когда умер Островский. В своих воспоминаниях, также хранящихся в Музее, он пишет: «Я помню, несмотря на ребяческий возраст, то громадное впечатление, какое произвела эта смерть. Когда уже к ней должны были более менее все привыкнуть, я вспоминаю, как мы <...> старшие дети, вместе с мамой поехали встречать приезжавшего отца, и когда мы оказались на обратном пути в купе с долго не видевшим нас отцом, меня поразила какая-то его пришибленность, и первое слово встречи с матерью у него было: Какой ужас, Александр Николаевич умер!»²² В это время М. П. Садовский возвращался в Москву с труппой Малого театра из гастрольной поездки в Варшаву, которая прервалась в связи со смертью Островского.

Много интересных замечаний о произведениях Островского и об исполнении ролей его пьес отдельными артистами оставила в своих воспоминаниях В. О. Массалитинова. Актриса считала, «что вообще за Островского братья страшно», «что даже такое известное и много раз сыгранное произведение как «Без вины виноватые», по-настоящему все же еще не раскрыто...» По ее мнению, «только О. О. Садовская — Галчиха и А. П. Ленский — Дудукин своим тончайшим исполнением сумели, по моему, вскрыть тайну образов Островского». «Чтобы включить в репертуар пьесу «Без вины виноватые», надо: 1-ое — иметь хороших актеров, а 2-ое — уметь гениально говорить. Чтобы играть «Без вины виноватые», надо суметь воскресить в себе ощущение России, но не старой, а новой — нарождающейся. Наше горе в том, что мы все отстали от жизни, мало наблюдаем жизнь, а присмотритесь, как изменился тип женщины!.. Ах, если бы сейчас для нашей эпохи появилась вторая Ермолова...» — запись эта сделана в 1944 г. И мы читаем, как училась у жизни сама Массалитинова. В образ Манефы («На всякого мудреца довольно простоты») она внесла черты встретившегося ей на пароходе монаха-расстриги. Образ Фелицаты («Правда хорошо, а счастье — лучше») помогла ей создать встреча в одной из замоскворецких улиц: «Я встретила хорошо от-

кормленную старушку с узелком яблок, сочных, розовых. Она аппетитно жевала на ходу. Вся ее повадка говорила, что она, наверное, нянька, куда-то спешившая. Когда я за ней наблюдала, она обернулась, улыбнулась. Я запомнила цвет ее платья, ее фартук, головную покрывку, и тогда же мне что-то хлынуло в душу. Через год мне дали роль, и, работая над созданием образа, я имела уже готовый материал».

Образ Гурмыжской («Лес») создавался ею по воспоминаниям юности. Однажды актриса гостила в имении, где соседкой была помещица, включившаяся в молодого человека — тамошнего телеграфиста. «Как я ни была чиста и глупа, — вспоминает Массалитинова, — я все-таки что-то замечала; «Вот этот образ остался у меня в памяти...»

«Когда впоследствии в Малом театре мне дана была эта роль и я сказала об этом одному своему знакомому, Н. К. Метнеру, он, как-то брезгливо на меня посмотрев, сказал: «а разве можно играть «помойную яму». Ну, может быть, вы эту роль идеализируете — это будет честь вашему дарованию». Под влиянием, может быть, этих слов я этот образ романтизировала, а когда наступала сцена свидания с гимназистом, проводила ее в комическом разрезе.

Я очень боялась этой роли, т. к. получила роль неожиданно, без надлежащего количества репетиций и только через лет 5—7 ее играла уже спокойно и играла свыше 10 лет» (первая постановка «Леса» в Малом театре с участием Массалитиновой состоялась в 1922 г.).

Большое впечатление произвела на актрису постановка «Леса» В. Э. Мейерхольдом в 1924 г.; спектакль шел в текстовом варианте Мейерхольда и был разбит на 33 эпизода: «Лес» у Мейерхольда считаю постановку гениальной. У него не было стройности Островского, но эпизоды были гениальны (поп — золотой, гигантские шаги, Аркаша — Ильинский, сцена у моста)».

Интересны также ее воспоминания об участии в кинофильме «Гроза» (1934), где Массалитинова исполняла роль Кабанихи, и о том, как ей пришлось «пострадать» за создание этого образа.

«Хотя я выросла в среде не купеческой, но я доподлинно видела эту среду еще в детстве и в поисках образа, сделав «скрещенье» на 2—3 известных мне старух, создала мой образ. Самое главное в создании образа — личное толкование образа, и, если созданный образ дошел до толпы, если получился огромный реаж в массах, — задача выполнена.

Так вот, применительно к Кабанихе, как она дошла до массового зрителя, могу рассказать немало интереснейших эпизодов. Как-то, в бытность мою на Кавказе, я лечилась в Ессентуках. Помню, однажды вечером я зашла далеко от источников. Иду, и вдруг, ко мне навстречу с гор сбегает группа молодежи — экскурсантов. Окружив меня, они узнали образ свекрови. Их пристальные взгляды меня начали даже волновать. Я даже струсилась и обратилась к ведущему — экскурсоводу. И что же выяснилось?! Оказывается, после просмотра молодежью кинокартины «Гроза» я — Кабаниха была приговорена «к высшей мере наказания». Мы долго беседовали, в результате расстались друзьями, получила от них цветы и вынуждена была дать слово, чтобы реабилитировать себя, сыграть добрую роль, и только после этого я смогу получить их прощение. Этот эпизод я буду помнить вечно (...).

Выходя из кино с утреннего просмотра, я, помню, получила по плечам вожжами от своего зрителя, который узнал во мне Кабаниху, со словами: «Вот тебе, свекруха, получай».

Хотя был и неприятно получить удар вожжами, все же этот реаж радовал меня.

Идя под вечер в кино на «Грозу», я была обстрелена снежками утреннего зрителя, видевшего Кабаниху. Помню, один удар в нос был настолько

сильным, что была даже принуждена вернуться домой и перевязать нос»²³.

Вот что написала Массалитинова на своей фотографии в роли Кабанихи: «Создавала я этот образ на дрожжах лучших традиций старого Малого театра. Руководимая народной мудростью и подталкиваемая современной эпохой, в этом образе Кабанихи я произнесла беспощадный приговор Насилию, Произволу и Дикости.

Народная артистка Республики В. М а с с а л и т и н о в а»²⁴.

Перед нами маленькая визитная карточка В. Ф. Комиссаржевской. Ее подарила Музею актриса Большого драматического театра им. М. Горького (Ленинград), заслуженная артистка РСФСР Н. А. Ольхина, исполнительница роли Ларисы («Бесприданница»). К этой карточке приложено следующее письмо Нины Алексеевны:

«На премьере «Бесприданницы» в 1948 г. от профессора Ленинградской консерватории Зои Петровны Лодий, с которой я работала над романсом «Он говорил мне...», я получила замечательный подарок — визитные карточки Веры Федоровны Комиссаржевской, на одной из них было написано:

«В моей юности Вера Федоровна была для меня источником радости и вдохновения... Сейчас твоя юность! Ты даешь мне надежду, что высоко понесешь Ее заветы — Правду и Человечность.

«Бесприданнице» — Нине Ольхиной
от Зои Лодий

7—V.1948 г.»

А когда-то эти визитные карточки были подарены певице Зое Лодий Верой Федоровной за прекрасное исполнение романса «Он говорил мне...».

Одну из этих визитных карточек я дарю Музею А. Н. Островского.

Н. О л ь х и н а

1970 г.»²⁵

Каждый экспонат Музея, будь то произведение искусства, фотография, бытовая вещь или документ, может рассказать о многом. Мы сообщали только о небольшой части музейного собрания. За 25 лет своего существования Музей-заповедник А. Н. Островского превратился в один из прекрасных мемориальных ансамблей.

В 1973 г. в ознаменование 150-летия со дня рождения драматурга в Щелыкове был установлен памятник Островскому работы скульптора А. П. Тимченко и архитектора В. И. Ровнова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: В. Бочков, А. Григоров. Вокруг Щелыкова. Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 1972, стр. 30.

² Музей Островского Щелыково, Р* — 5.

³ Там же, Р — 53.

⁴ Иваново, областной архив, ф. 33, оп. 1, № 1025.

⁵ Выписки из протоколов этих заседаний — Музей Островского Щелыково, Р — 561.

* Буквы обозначают; Р — рукописи, Ф — фотографии, И — изобразительные материалы.

- ⁶ В. Маслих. Из воспоминаний крестьян.—«Театральная жизнь», 1973, № 2, стр. 29.
- ⁷ См. протокол совещания по вопросу об организации музея в Щелькове 25 апреля 1930 г.—Музей Островского Щельково, *Р* — 151.
- ⁸ И. И. Соболев. Мое воспоминание.—Музей Островского Щельково, *Р* — 541. Опубл.: «Щельковский сборник». Ярославль, 1973, стр. 38—39.
- ⁹ Т. Ф. Клифосовская. Несколько слов о А. Н. Островском в быту; К. В. Загорский. Воспоминания об Александре Николаевиче Островском. — «Островский в воспоминаниях современников», стр. 326 и 366.
- ¹⁰ Музей Островского Щельково, *Р* — 153.
- ¹¹ <А. М. Часовников>. Крестьяне об А. Н. Островском.— «Островский в воспоминаниях современников», стр. 497.
- ¹² Музей Островского Щельково, *Ф* — 322.
- ¹³ Там же, *Р* — 545.
- ¹⁴ М. М. Шателен. Сельцо Щельково. Описание усадьбы-музея А. Н. Островского «Щельково» в 70—80-е гг. XIX в. по рассказам современников и личным воспоминаниям. 1969 г.— ИРЛИ, *Р* I, оп. 36, № 207, 62 лл.
- ¹⁵ Музей Островского Щельково, *И* — 155.
- ¹⁶ Там же, *Ф* — 3.
- ¹⁷ См., например: «Летопись», стр. 343; Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома. VI. А. Н. Островский. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 22, № 48 и др.
- ¹⁸ Музей Островского Щельково, *Р* — 540, *Р* — 653 и *Р* — 22.
- ¹⁹ Там же, *Р* — 23.— Это письмо Островского, а также его записка в дирекцию Малого театра и телеграмма к жене опубл.: «Щельковский сборник». стр. 17—22.
- ²⁰ Там же, *Р* — 6. Опубл.: «Щельковский сборник», стр. 37.
- ²¹ Там же, *Р* — 524. Частично опубликовано: «Щельковский сборник», стр. 33—35.
- ²² Там же, *Р* — 649; «Щельковский сборник», стр. 81—82.
- ²³ Там же, *Р* — 150; «Щельковский сборник», стр. 89—119.
- ²⁴ Там же, кн. пост., № 192.
- ²⁵ Там же, *Р* — 420.